

тичности и традиций, удерживающих социум от аномии, приводит к нигилистическому отказу от социокультурных установок как искусственных и эфемерных, к стремлению освободиться от дискредитировавших себя аксиологических доминант. Вряд ли тотальный критицизм способен оказать конструктивное воздействие на изменение аксиосферы техногенного общества. Вне всякого сомнения, техногенное общество нуждается в модернизации. Это, в первую очередь, изменение человеческого сознания по отношению к экологической проблеме, выстраивание принципиально иных установок во взаимодействии с другими культурами. Но в то же время нет необходимости отказываться от оправдавших себя культурных традиций.

Модернизацию аксиосферы невозможно инициировать без достаточно целостной аксиологической концепции. Создать такую концепцию непросто. Главное, что сегодня происходит осознание того факта, что человечество находится накануне наступления такого социального состояния, которое не может регулироваться и управляться фактически ни одним из известных ранее способов.

Литература

1. Арон, Р. Избранное: Введение в философию истории / Р. Арон. – М.: ПЕР СЭ; СПб., Университетская книга, 2000. – 543 с.
2. Гадамер, Г.Г. Актуальность прекрасного. Риторика и герменевтика / Г.Г. Гадамер. — М.: Искусство, 1991. – 368 с.
3. Гарсия, Д. О понятиях «культура» и «цивилизация» / Д. Гарсия // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 228-234.
4. Косарева, Л.М. Генезис научной картины мира (социокультурные предпосылки). / Л.М. Косарева. – М.: ИНИОН, 1985. – 237 с.
5. Шакун, Л. Моунья арыенціры і словаутваральны працэс. Беларусь паміж Усходам і Захадам: праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага узаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу / Л. Шакун. – Мн.: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. – 362 с.

УДК 101.1:316

ЭТНОЛОГИЯ Л.Н. ГУМИЛЕВА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОСМИЗМА (к проблеме оснований взаимосвязи)

С.Г. Павочка

УО «Гродненский государственный аграрный университет»

г. Гродно, Республика Беларусь

В статье анализируются содержательные характеристики философии русского космизма, раскрыты специфические способы ее актуализации в научном наследии Л.Н. Гумилева.

In the article the substantial characteristics of philosophy of Russian cosmism are ana-

lyzed, the specific ways of its actualization in L.N. Gumilev's scientific heritage are defined.

Феномен русского космизма в последнее время привлекает к себе внимание исследователей самого разнообразного профиля. Историография его обширна, обширно и наследие, относимое к данной интеллектуальной традиции. Устойчивое внимание к космизму вызвано не только академическим интересом. В значительной степени оно коррелирует с современными тенденциями развития техногенной цивилизации, совокупностью порождаемых ею проблем природно-социального характера, приобретающими рельефно выраженный эколого-деструктивный характер. В этом отношении философия русского космизма может рассматриваться как своеобразный ответ на кризис ценностно-мировоззренческих ориентиров и духовно-интеллектуальных практик цивилизации XIX – XX вв. Проблемное поле космизма сохраняет свою значимость и для современности. Обращение к поднятой в рамках классической линии космизма проблематике включает в себя как необходимый момент рефлексии по поводу наследия, оставленного русскими космистами, так и вытекающую из него, но обладающую все же самостоятельным статусом сферу само-рефлексии современной цивилизацией противоречивого характера социоприродных взаимодействий.

О космизме принято говорить как о национальном русском явлении, наиболее полно отразившем специфику русской философии и культуры и сформировавшем перспективу, альтернативную новоевропейской картине мира. Иногда формулируется точка зрения, в контексте которой космизм интерпретируется как «целый поток русской культуры» (С. Семенова), что позволяет подводить под него содержание практически всех концепций, авторы которых в той или иной степени утверждали сопричастность человеческого существования космическому бытию. И все же необходим дифференцированный подход к рассматриваемому феномену, учет как амбивалентности самой традиции космизма, неоднозначности трактовок его ключевых понятий и развитых в его границах современных концепций, так и объективных процессов космизации науки, мировоззрения и жизнедеятельности. С одной стороны, отмеченные процессы приводят к трансформациям мировоззренческого плана, претендующим на снятие «онтологической обособленности» человека и природы. С другой стороны, ноосферная цивилизованность и «рациональная гуманность» оспариваются с позиций аксиологических критериев ноосферы как реальности, противостоящей диалектике жизни. Данное противоречие, формулируемое как противоречие между естественным и искусственным, вскрывает проблематичность истолкования ноосферогенеза в преимущественно по-

ложительной тональности ценностных характеристик. Более того, «ноосфера Вернадского как вариант абсолютной разумности и мировой гармонии построена по законам естествознания и «украшена»... необоснованными характеристиками добра, любви, человечности» [1, с. 142].

Невостребованность космистами этической компоненты в научном оформлении ноосферных воззрений в иной философской транскрипции представлена в модальности антропокосмического синтеза, принимающего рельефно очерченную нравственную ориентацию [2]. Взаимоисключающие позиции стимулируются конкретными разработками ноосферной модели устойчивого развития, коэволюции, перехода к экоцивилизации как ступени ноосферной цивилизации, обеспечивающей устойчивое равновесие естественной эволюции, критикой любых концепций, включающих в себя понятийно введенную В.И. Вернадским ноосферу как сферу искусственной постчеловеческой цивилизации, элиминирующей естественную реальность, телесность человека и в итоге саму жизнь [3]. В указанном контексте концепция этногенеза Л.Н. Гумилева близка современным дискуссиям по проблемам ноосферы, динамики биосферы, экологического моделирования, коэволюционной перспективы, хотя выводы ее недостаточно востребованы современным знанием.

Ставя этногенетические и этноисторические процессы в зависимость от биосферных и космопланетарных факторов, Л.Н. Гумилев, предполагая превращаемость различных форм геокосмической энергии в биохимическую энергию живого вещества, физиологическую и психическую энергию человека – пассионарность, обнаруживает сходство в теоретических воззрениях с идейным полем «русского космизма», в особенности с учением В.И. Вернадского о биосфере, гелиофизическими изысканиями А.Л. Чижевского. Определенное совпадение во взглядах является основанием для отнесения концепции этногенеза к философии «русского космизма» [4, с. 215], что не всегда оправдано, поскольку не сопровождается соответствующей рефлексией оснований концепции и имеет преимущественно описательные основания.

В отличие от авторов, предлагающих искать подлинное значение идей Л.Н. Гумилева в евразийстве, этнографическом знании или его историософской концепции, аналоге цивилизационных построений А. Тойнби, О. Шпенглера и др., истинное значение концепции этногенеза лежит в русле иной традиции. Этнология Гумилева тематически и проблемно погружена в систему космопланетарных связей, рассматривая человека через этнические структуры в плане его природного (биосферного) аспекта существования через призму естественнонаучного

знания и естественнонаучной методологии. Заимствуя сформулированные В.И. Вернадским биогеохимические принципы, Л.Н. Гумилев выстраивает общую модель этногенеза, в рамках которой звеном, связующим природное и социальное измерения бытия, выступают этнические структуры. Натурализм естествоиспытателя привлекает Гумилева своей междисциплинарностью, целостным видением природы.

Представленный в концепции биосферы В.И. Вернадским человек в качестве геологической силы образует фундаментальное противоречие природы. Его обособленность в природе определена его разумностью. Это переопределяет не только содержательные, но и функциональные взаимодействия человека с биосферой, вызывая новые типы детерминации. Выходя за рамки природы, человек и его разум выходят и за пределы биотического круговорота. Детерминация биосферной сущности человека приводит к установлению его центрации как объективации им внеприродной сущности его бытия, доопределения человеком мира (природы), исходя из конструирования неприродных средовых факторов [5]. Очевидно, что биовещественный и антропоэнергетический аспекты взаимодействия человека с окружающей средой не могут быть осуществлены вне контекста самой человеческой деятельности. Раскрытие сущности человеческой активности и человека в целом невозможно вне рефлексии способов его предметно-практической деятельности и направляющих ее структур сознания. Скепсис Л.Н. Гумилева в отношении ноосферных представлений, несмотря на рецепцию им биосферной концепции В.И.Вернадского, не может быть объяснен исключительно избирательным отношением к наследию естествоиспытателя. набросок ноосферной концепции свидетельствует, что применяемая Гумилевым естественнонаучная методология и созданная им естественнонаучная концепция моделирования этногенетических процессов истории, несмотря на широту охвата, не позволила Гумилеву увидеть вслед за В.И. Вернадским более глубокий и мощный, нежели исторический процесс, процесс становления ноосферы – процесс, по В.И. Вернадскому, природно-исторический. Становление ноосферы связано с появлением человечества как единого целого, выступающего в качестве ее предпосылки. Ноосфера, таким образом, – это становящееся качество не только истории человечества, но и истории Земли. Единство человека и биосферы, проявляющееся во взаимосвязи исторических процессов и палеонтологической истории человека разумного, логически завершено В.И. Вернадским в положении об обусловленности человеческой истории и динамики биосферы ходом развития научной мысли, в рамках которой «человек впервые осознает себя как существо планетарное», которое «может и должно

мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, но и в планетарном аспекте» [6, с. 274]. Областью реализации планетарной сущности человека является область жизни – изменяемая в ходе практической осмысленной деятельности биосфера.

Различие гумилевской транскрипции биосферной концепции обусловлено дискретностью этнической истории, разрывами этногенезов, не оставлявшими для него возможности увидеть манифестации единства человечества – единства, отличающего человека и человечество в целом от всего живого и определяющего возможность их большей независимости от биосферы и ее условий. Единство биосферы, реализуемое через параметры ее организованности, и отнесение этнических процессов к классу биосферных явлений, не дают достаточных оснований утверждать вслед за Гумилевым, что человечество в биосферном аспекте не представляет единства. В.И. Вернадским это единство мыслилось как продолжение биосферной эволюции, сравнимое с геологическими трансформациями в истории планеты. Реально космический характер жизни схвачен им в направлении эволюционных преобразований живого вещества. При этом эволюционный процесс соответствует биологическому единству и равенству всех людей [7, с. 183]. Вернадский видел в этом «закон природы». Его прочтение Гумилевым зафиксировало первичность в анализе природности человека и форм его коллективности. Однако Гумилев в достаточной степени не раскрыл особенности природного аспекта бытия человеческой коллективности, хотя постановка проблемы и наброски ее решения представляют определенный интерес. Социальная активность человека описана им как процесс, наложенный на биосферу и, видимо, искусственный, чуждый ей. Мысль, вытекавшая из ранних представлений Вернадского и обоснованная в концепции этногенеза нарушающим естественные механизмы воспроизводства природных циклов техногенным фактором, не нова. Но вполне очевидно, что социальный характер человеческой деятельности не может рассматриваться в качестве внеположенного природе. Генезис человека и его эволюция есть закономерный этап эволюции биосферы. В силу этого активность человека «погружена» в биосферу, а ее характер генетически, структурно и функционально является способом связи человека с природой и одновременно способом реализации его эволюционной сущности. Эволюционный аспект представлен В.И. Вернадским шире, нежели Гумилевым. Понимание эволюции Земли как единого космического, геологического, биогенного и антропогенного процесса свидетельствует, что обобщение В.И. Вернадского справедливо в концепции этногенеза только в своей части, ибо Гумилев элиминирует анализ человеческой активности и человека

как существа, продолжающего и направляющего эволюционный процесс.

Теоретическая слабость позиции Л.Н. Гумилева обусловлена неразработанностью социальных аспектов диалектики взаимодействия человека и природы. Отсюда – отрицание ноосферы, отождествление ее с техно- и социосферой как порождением искусственного, логика развития которого противостоит логике жизни, «она изначально полярна ей как логика техники» [8]. Следствием такой позиции может являться представление об искусственности самого разума, что не согласуется с размышлениями В.И. Вернадского, концептуализировавшего разум (сознание и мышление) в русле эволюционных представлений. К тому же ссылка Гумилева на психофизиологические свойства человека как условие определенных социоприродных взаимодействий оставляет открытым вопрос «общих оснований» природных и социальных систем и способов опосредования связей между природой и обществом, понимаемого в плане замещения действиями человека действий природных сил. Экологическая проблематика, увязанная с общим контекстом этногенеза и ноосферной парадигмой мышления, выводит в область философско-антропологической рефлексии. Она может быть осмыслена в разрыве сущности и существования. Рефлексия родовой сущности человека обнаруживает проблематичность его существования в исторической ситуации, когда человек стал «решающей геологической силой». Теоретически проблема доопределения мира и своей сущности человеком в субстанциально-онтологическом смысле не может быть раскрыта в совпадении содержания и условий жизни, на чем, собственно, основан антропоэкологический контекст этнологии Л.Н. Гумилева. «Тип цивилизации, – полагает Ф.И. Гиренок, – зависит от замещения человеком сущности стихийно-естественных процессов, т.е. от того, что именно из содержания жизни переводится в план естественного, а что в план искусственного» [9, с. 55]. С этих оснований природа есть естественная система, социальное, в свою очередь, естественное, но не природное образование, но оно мыслимо в качестве такового только через основание искусственного. Парадоксальность интерпретации разрешима специфическим способом рефлексии как сферы «синтеза» – искусственное субстанциально не детерминировано именно в плане внутренней субстанциальной сущности. В свою очередь, доопределяемость объективной структуры естественного искусственным основана на онтологической недоопределенности мира его объективной структурой. Следовательно, человек есть то, что

индивидуализирует Космос и тем самым субстантивирует его индивидуальность [9, с. 156]. В этом случае не лишено основания видение ноосферы, порывающее с классическим естественнонаучным пониманием природы: «ноосфера не предмет, который мы видим, а условие видения в природе того, что своим существованием зависит от человека» [9, с. 156]. Если придерживаться сформулированной Ф.И. Гиренко позиции о том, что отправной посылкой русского космизма является опыт историческое сознания, оставляющего возможность для свободного доопределения мира человеком, то приходится констатировать несоблюдение данной посылки в концепции этногенеза. Приходится согласиться и с тем, что мировоззренческие интуиции русских космистов, введших идею онтологической соизмеримости человека, природы и космоса, оказались предельно рационализированы Л.Н. Гумилевым, что проблематизирует принадлежность созданной им этнологии философии русского космизма.

Литература

1. Мапельман, В. Этико-экологические тупики русского космизма / В. Мапельман // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 1.
2. Дуденков, В.Н. Русская идея и русский космизм / В.Н. Дуденков // *Вече*. – 1996. – Вып. 6.
3. Кутырев, В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура / В.А. Кутырев // *Вопросы философии*. – 1996. – № 11.
4. Концепции современного естествознания: учеб. для вузов / В.Н. Лавриненко [и др.]; под ред. В.Н. Лавриненко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000.
5. Туровский, М.Б. Концепция В.И.Вернадского и перспективы эволюционной теории / М.Б. Туровский, С.В. Туровская // *Вопросы философии*. – 1993. – № 6.
6. Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1988.
7. Вернадский, В.И. Начало и вечность жизни / В.И. Вернадский. – М.: Советская Россия, 1989.
8. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: Танаис Ди-дик, 1994.
9. Гиренко, Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера / Ф.И. Гиренко. – М.: Наука, 1987. // *Вопросы философии*. – 1993. – № 6.